

ПОМОГИ

ИНОГДА ОДНА
ФРАЗА МЕНЯЕТ

ВСЁ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

NANIKONI

NANIKONI NANIKONI

Помоги!

<https://litres.ru/74013843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира знает — если не спать четыре дня, начнутся галлюцинации. Но все равно пьет по девять чашек кофе в день.

Лишь бы не видеть сны.

Почти каждый раз все происходит одинаково: чужой мир, чужая жизнь и одна фраза, способная вернуть ее обратно в реальность.

Но если Кира не успевает сказать нужные слова — приходит Он.

Человек в черном костюме с красным галстуком.

Он не говорит. Просто делает больно.

И эта боль остается с Кирой после пробуждения.

Поэтому единственный выход — не спать.

Пока однажды человек из ее кошмаров не приходит к ней наяву.

В синем галстуке.

Психологический триллер с элементами любовного романа и хоррора.

Какие слова спасут других?

И кто спасет тебя?

Содержание

Засыпание	4
Медленная фаза: Часть I	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

НАНИКОНИ

Помоги!

Засыпание

— Вам нужно пить меньше кофе.

Слова доктора разносятся по небольшому светлому кабинету. Через открытую форточку тянет холодом, отчего по телу пробегает небольшой озноб. Стойкий запах хлорки непрерывно щиплет нос. Хочется чихнуть. В глазах мутнеет, будто смотрю через запотевшее окно. Движения мужчины рвутся, распадаясь на отдельные кадры. Я тру нос дольше, чем нужно. Минуту. Или десять.

Врач сидит, глядя в экран компьютера. На его прямоугольных очках отражается анкета пациента — моя. Слишком много букв. Он продолжает печатать новые.

За окном серо, почти темно. Стекло покрыто инеем, мелкие снежинки цепляются за него, выстраивая причудливый узор. Зимой труднее контролировать поступающую усталость: солнца мало, ночи становятся длиннее. Сон все сильнее накрывает сознание — глаза уже начинают слипаться.

Я не сплю всего три дня. Пока рано.

— Кира, вы меня слушаете? — Доктор смотрит на меня, поправляя очки.

— Нет, — он поднимает бровь от моих слов, — Ой... То есть да. Кофе.

Мысли заторможены, слова возникают рваным потоком, не складываясь в фразу.

— Сколько?

Я начинаю загибать пальцы. Одна утром, перед работой. Две — после обеда. Еще одна, чтобы не уснуть за стойкой. Я сбиваюсь. Пальцы раздваиваются перед глазами, показывая что-то между четырьмя и девятью.

— Кажется... Три?

Я быстро запускаю руку в карман. Он следит за каждым моим движением. Доктор тяжело вздыхает. Нажимает на кнопку. Принтер на столе начинает гудеть, бумага с треском проваливается вниз. Он берет ее одним движением, долго всматривается в текст, а потом на меня. Ставит штамп. Протягивает бланк.

— С этим — в аптеку, — на листке длинный список препаратов.

— И никакого кофе. Если, конечно, ваша цель не сердечный приступ в двадцать три года.

Я киваю. Сминаю бумагу как попало и убираю в карман. Закрываю дверь с хлопком, и сама же пугаюсь звука.

Иду по памяти. Длинный коридор. После него — направо. Несколько метров вперед. И вот, передо мной стоит мой старый знакомый — кофейный автомат.

Он одиноко расположился в углу рядом с кабинетами. Его

приглушенный гул эхом отражается от стен больницы.

В стеклянной панели аппарата виднеется мое лицо. Оно искажено изгибом поверхности: лоб кажется неестественно большим и бледным, нос уходит в сторону, губы растянулись длинной кривой полосой. Но даже так, я могу разглядеть свои синяки под глазами. Слишком большие.

Я стучу ботинком по мраморной плитке. Запускаю пальцы в волосы, чтобы сильнее затянуть хвост. Черные пряди все равно выбиваются, сползают на лицо, касаясь щек. Боль от натяжения слегка притупляет тягу ко сну, но эффект длится недолго.

Достаю из кармана кофты небольшой кожаный кошелек. Перебираю монеты, мелочь постепенно набирается в руке. Одна из них выскальзывает из пальцев, падает на плитку под ногами. Звон разносится по пустому пространству. Звук не заканчивается. Он тянется, превращаясь в тонкий шум, режущий ухо.

Я наклоняюсь.

Темнота в глазах сгущается.

Рука не касается холодной плитки.

Она проходит куда-то мимо.

Монеты нет.

В пальцах — песок.

Он рассыпается на коже: горячий, зыбкий. Я замираю. Твердая поверхность уходит из-под ног, становясь вязкой и неровной. Свет бьет в глаза. Моргаю, чтобы привыкнуть. Бе-

лый круг не исчезает, лишь сильнее отпечатывается на сетчатке. Гул исчезает постепенно, словно отголосок больницы издает последнее эхо. Ветер свистит над ухом. Я прикрываю лицо ладонью, чтобы осмотреться.

Вокруг — лишь бесконечная пустыня.

Глубоко вздыхаю. В этот раз занесло далеко... Хорошо. Значит Галстук тоже будет искать долго.

Голова наконец проясняется, хотя бы на какое-то время можно не думать об усталости и кофе.

Нельзя стоять на месте, иначе придет Он.

Я вижу в отдалении едва заметный блеск, как свет маяка, оповещающий о конечной точке. Я мысленно выстраиваю маршрут и начинаю идти вперед.

Каждый шаг — тяжелее предыдущего. Где-то поверхность плотная, где-то — проваливаюсь почти до колена. Ступни горят. Песок забивается в кроссовки, царапает кожу. Взгляд перемещается на запястье по привычке — стрелки на часах не шевелятся. Время не идет. Оно существует лишь в голове, как напоминание, что оно где-то есть.

Я не могу понять, сколько прошло дней. Кажется — неделя. Или месяц. От тишины вокруг звенит в ушах. Этот писк не прекращается ни на секунду.

Шаг. Песок. Снова шаг.

На горизонте вырисовываются силуэты города.

Я не расслабляюсь — дальше начнется самое сложное. Но все равно надеюсь, что все получится само собой.

Дома растягиваются вдоль горизонта по мере приближения. Низкие, прижатые к земле. Бесконечные. Как лабиринт, не имеющий выхода — только вход. Похожи на пустые коробки, наваленные друг на друга. Пыльные, тусклые: цвета выжженного песка, от которого уже воротит.

Я подхожу ближе. Захожу на узкую, извилистую улочку. Все вокруг выполнено из одинакового камня — облупленные фасады, неровная плитка, старые крыши. Только небо слегка контрастирует с городом своим серым оттенком.

Я уже забываю, как выглядят деревья.

В глазах рябит. Пол еще какое-то время плывет под ногами. Сажусь на ступеньку у небольшого крыльца дома, чтобы немного перевести дух.

Тканевый навес создает небольшую тень. Она не шевелится, просто отпечатывается на камне, как темная краска. Вокруг стоят люди, одетые в светлые одеяния: мужчина с седой бородой тянет ногу вперед, чтобы сделать шаг; женщина с платком на голове спотыкается, яблоко падает с края ее корзины; мальчик в изношенной одежде замахивается, чтобы пнуть мяч в окно. Все застыло, как в стоп кадре. Закрываю глаза. Ветер развеивает пряди моих волос, щекочет уши, касается плеч. Шум в ушах ненадолго затихает.

Скорее бы все закончилось.

Я уже готова просто попасться Галстуку, лишь бы больше никогда не видеть эту пустыню.

Холод пробегает по спине. Медленно встаю. Прохожу по

ступеням наверх. Дверь выделяется на фоне остальных — выполнена из темного дуба, орнамент вырезан вручную. Ни одного зазора или царапины.

Интересно, сколько нужно наворовать, чтобы купить себе такую?

Я дергаю позолоченную ручку. Она поддается без усилий.

Стоит мне сделать шаг в комнату, как мир начинает оживать. Звуки заполняют пространство: чьи-то ботинки зашуршали по гравию; яблоко бьется о землю; звон стекла и спешные детские шаги удаляются все быстрее. Шум улицы перекрывают громкие голоса в квартире. Мужской и женский крик смешиваются, превращаясь в несвязный ком. Спустя недели тишины любые звуки кажутся приятными. Язык незнакомый, резкий, словно набор странных звуков.

Я прохожу в гостиную. В нос пробивается пряный запах специй и чего-то сладковатого, почти душного. Взгляд цепляется за деревянную полку у окна — на ней благовония. Дым спускается тонкой полосой на широкий темно-зеленый диван с круглыми валиками. Восточный орнамент ткани переливается на свету.

Смотрю на источник шума: мальчик лет семи стоит с опущенным взглядом. Родители размахивают руками, то и дело бросая на него холодный взгляд. Он кусает губы, глаза краснеют, едва сдерживая слезы. У его ног — разбитая ваза. Светлые осколки разлетелись в разные стороны, темный пепел рассыпался по полу. Мать смотрит на пыль, прикрыв

рот рукой, не обращая внимания на расстроенного сына. Я прищуриваюсь, будто пытаюсь разглядеть что-то в прахе.

Бабушка или дедушка?

Впрочем, без разницы.

Не успеваю закончить мысль, как время начинает замедляться. Голоса становятся еще более неразборчивыми. Движения людей тянутся.

Черт, он близко.

Мальчик плачет, родители злятся.

Вроде — все очевидно.

Я подхожу ближе к ребенку. Наклоняюсь к его уху. К двери подступают твердые, почти механические шаги.

— Ты не виноват.

Дело сделано.

Выдыхаю с облегчением.

К черту это проклятое место.

Я плюхаюсь на прямоугольный стол, ладонь ложится на его угол. Слишком острый, будто его забыли отшлифовать.

Мальчик продолжает стоять на месте.

Ничего не меняется.

Дверь скрипит. В зеркале мелькает мужская фигура с красным галстуком.

Я вскакиваю. Скрип половиц становится ближе.

На шепот нет времени, выкрикиваю первое, что приходит в голову:

— Все хорошо. Они тебя любят.

Лакированные туфли переступают через порог комнаты. Его черный костюм слишком гладкий, без единой складки. Сквозь тишину слышится ровное дыхание.

Глаза мечутся по комнате, стараясь выловить хоть какие-то детали, которые могут помочь.

Ничего нет.

Чувствую, как воздух за спиной становится плотнее. Руки дрожат. С силой сжимаю кулаки. Ногти впиваются в кожу. Я не чувствую боль. Но она появится, если он подойдет ко мне ближе.

Ненавижу это проклятое место. Но еще больше — Галстука.

В голове раздается щелчок, словно ключ поворачивается в замочной скважине.

Я смотрю на руки ребенка.

Кулаки.

Все встает на свои места.

Слова вырываются из губ сами:

— Ты имеешь право злиться.

Секунда — в которой проносятся только мысли и стук собственного сердца. А потом шаги останавливаются. Пальцы мальчика дергаются. Его кулаки медленно разжимаются. Он резко пинает осколки вазы, расталкивает родителей в стороны и убегает к выходу. Серая пыль поднимается в воздухе. Кашель вырывается из легких.

Я оборачиваюсь. Лицо мальчика расслабляется. Он безза-

ботно улыбается, будто пару минут назад его не отчитывали за разбитую вазу. Я начинаю улыбаться вместе с ним. Фигура ребенка скрывается за проемом двери.

Взгляд перемещается в сторону. Галстук стоит в паре метров от меня. Его тусклые темные глаза смотрят почти безжизненно. Я застываю, не в силах отвести взгляд. В груди сдавливает. Темнота вокруг становится плотной, осязаемой. Она схлопывается в его зрачках и мир погружается во тьму.

Тело отбрасывает назад — в пустоту. Плечи расправляются, ноги выпрямляются. Ладонь касается мягкой плотной ткани. Ощущаю твердую поверхность под спиной.

Открываю глаза.

Лампа над головой горит ярким холодным светом. Резкая боль отдает где-то за затылком. Я лежу на узкой медицинской кушетке, кто-то заботливо накрыл меня одеялом. Песок колет кожу между пальцами ног. Или мне кажется?

— Успела.

— Извините? — женский голос раздается из глубины комнаты.

Я поворачиваю голову. Женщина в белом халате стоит у стеклянного шкафа. В ее руках — небольшая бутылочка и ватка. Я резко поднимаюсь. Тут же жалею об этом. Голова кружится, тело откидывает назад на кушетку. Сажусь, чтобы прийти в норму.

— Аккуратно!

Медсестра подлетает ко мне и тут же начинает осматри-

вать меня с головы до ног.

— Я уже хотела приводить вас в чувства, — ее голос дрожит, — Вы свалились у кофейного автомата...

Она тараторит слишком быстро. Я не вслушиваюсь. Ищу глазами часы.

— Сколько я спала?

Ее глаза расширяются. Губы беззвучно открываются и закрываются, будто она не может подобрать нужных слов.

— Четыре часа. — Медсестра смотрит в окно. За ним почти ничего не видно кроме тусклого фонаря где-то вдалеке.

— Как себя чувствуете?

— Не делайте вид, что вам не все равно.

Женщина вздыхает. Ее взгляд принимает безразличный вид.

— Мой рабочий день окончен. Можете, пожалуйста, покинуть кабинет?

Я встаю, хватаю куртку с вешалки и направляюсь к двери. Ее голос останавливает меня у выхода:

— Если себя не жалко. Пожалейте близких.

— У меня их нет, — говорю я коротко и переступаю порог.

Слышу тихое «Ой» за спиной.

Если она пристанет со словами сожалений — день испортится окончательно.

Ускоряю шаг. Выхожу из больницы.

На лице пахнет морозной свежестью. Свет поблескива-

ет в сугробах, многоэтажки безжизненно возвышаются над землей. Ни намека на песок. Наконец-то.

Я вызываю такси по телефону. Желтая машина подъезжает на парковку через несколько минут. Сажусь в нее и выдыхаю, расползаясь по сиденью. Дорога домой кажется самым приятным событием за все это время.

— Включите погромче.

Таксист смотрит на меня через зеркало, а потом крутит ползунок. Салон наполняется басами. В ногах вибрирует от незамысловатой песни.

Вкус у него так себе. Но я готова слушать все, лишь бы не сидеть в тишине.

Первый день.

Надеюсь в этот раз продержусь дольше.

Медленная фаза: Часть I

Стоит дать мозгу желаемое — и он потребует новую дозу. Это будет продолжаться, пока ты не возьмешь его под контроль... Или пока он не начнет управлять тобой.

Квартира встречает меня тем же ярким светом, который я оставила перед уходом. Окно нараспашку, из него тянет ледяным сквозняком — кожа моментально покрывается мурашками. Я жадно вдыхаю холодный воздух и прохожу вглубь комнаты.

Студия занимает всего двадцать метров. Все необходимое всегда под рукой. Мне нравится именно так: не нужно тратить силы, чтобы дойти до кухни за водой.

На холодильнике висит белый лист бумаги, прижатый двумя магнитами:

«Не пить алкоголь.

Не сидеть в темноте.

Не находиться в тишине».

Три заповеди, которые я написала после первого месяца этого ада. Многие думают, что самое тяжелое — четвертая ночь без сна. На самом деле труднее всего выдержать первую.

После нее мысли притупляются, и ты уже перестаешь понимать: ты хочешь спать или сон хочет, чтобы ты его увидела.

Я нащупываю кнопку на колонке. Комнату тут же разрезает громкая ритмичная музыка. Покачиваясь в такт, подхожу к кофемашине и наливаю черный кофе без сахара в кружку.

Первый глоток обжигает язык, дерет небо. Хорошо. Боль — это знак, что я все еще нахожусь в реальности. Второй глоток уже мягче, теплее. Кофе разливается по телу теплой волной. Сознание получает свою дозу и на секунду затихает, будто прислушивается. Я знаю этот момент: сейчас мозг решит, что этого мало.

Ставлю кружку на подоконник. За окном — тусклый двор. Фонарь качается на ветру, снег лениво кружит в его серебристом свете. Тишина за стеклом давит сильнее музыки. Я выкручиваю громкость на максимум. Басы проходятся по ногам, оседают под ребрами. Воздух сгущается, будто кто-то выкачивает из комнаты кислород. В голове снова мутнеет.

Я делаю глоток. Горечь раздражает горло. Колонки гремят, сердце бьется в такт песне.

Ночь будет долгой. Может даже слишком.

Все же лучше пустыни и встречи с Галстуком.

«Не пить алкоголь. Не сидеть в темноте. Не находиться в тишине», — повторяю про себя, словно молитву.

Но сквозь шум все равно пробивается тихий шепот: «Закрой глаза».

Я выхожу из дома в шесть. Работа начинается только в десять, но мне нравится идти пешком и наблюдать за редкими прохожими. С тех пор, как начались сны и миссии, я смотрю на людей по-другому. В голове постоянно крутится одно и то же: Что с ними не так? Какие слова они хотели бы услышать?

Может мужчина, выгуливающий собаку, пока весь город спит, просто пытается заглушить одиночество? Что, если подойти и сказать ему: «Ты не один?».

Я мотаю головой. Какая мне разница? Он убирает за собакой дерьмо — и, наверное, это единственное, что он делает для кого-то сегодня.

Мужик и говно. Трагедия в двух актах.

Я едва заметно улыбаюсь. Снег хрустит под ногами. Вдалеке гудят машины, где-то кричит женщина. Слова не разобрать, но ее муж явно в чем-то провинился. Район неблагополучный, зато здесь никогда не бывает по-настоящему тихо.

Я перевожу взгляд в сторону. Парень роется в сугробе голыми руками. Он шатается, отчаянно ищет что-то, но не может найти. Я цыкаю и прохожу мимо, стараясь не привлекать внимания. У обочины стоит полицейская машина. Внутри — полный мужчина в форме. Он громко храпит, не замечая ничего вокруг.

Я смотрю на парня в кустах, а потом на полицейского. Тот

зевает, хрустит позвоночником и переворачивается на другой бок. Храп возобновляется.

Сказать? Или не стоит?

Пофиг. Не мое дело.

Я ускоряюсь. На пешеходном переходе горит зеленый, но тело вдруг замирает, будто невидимая рука держит меня на месте. Кулаки сжимаются.

Машина в потоке коротко сигналист. Я вздрагиваю и делаю шаг вперед.

Когда оборачиваюсь — парня уже нет. Ладони расслабляются, словно отпуская что-то тяжелое, но сердце продолжает биться в ускоренном темпе.

До кафе дохожу почти на автомате.

Связка ключей звенит в руках. Я пытаюсь найти нужный, перебирая охапку. Ключи одинаковые, будто проверяю один и тот же снова и снова.

Черт бы побрал управляющего. Кто вообще придумал запирать каждую дверь в кафе?

Я слегка сжимаю губы.

Ну да, я попросила поставить замки на все комнаты. Мера предосторожности, чтобы в случае чего, было где спрятаться. Но выбрал бы разные ключи или отметил их как-то... Придурок.

Замочная скважина поворачивается. Дверь поддается вперед. Прохожу внутрь, слыша, как за спиной звякает колокольчик.

Начало рабочего дня проходит как обычно: я расставляю стулья возле столов, протираю грязь на поверхностях; потом добираюсь до кладовой, проверяя ингредиенты на срок годности; заправляю кофемашину свежими зернами.

Когда руки заняты делом — мозг перестает думать о чем-то другом. Иногда даже кажется, что работая на автомате, я живу нормальную жизнь. Но стоит ногам остановиться у стойки, как мысли снова заполняют голову густым туманом.

Еще пятьдесят минут. Я устало облакачиваюсь на стол, считая минуты до того, как поверну табличку на «открыто».

Наверное, стоит выходить из дома попозже. Но, по крайней мере, никто не жалуется на работника, приходящего слишком рано. Лучше я буду находиться в просторном помещении, пропитанном запахом кофе и выпечки, чем сидеть в четырех стенах.

Сегодня соседи жаловались на шум раза три? Слабо. Рекорд в виде семи человек под дверью и вызовом полиции, еще не побили.

Я стучу пальцами по столу в такт мелодии, засевшей в голове с утра. За окнами гудят машины; прохожие торопятся на работу, заходя в соседнюю дверь один за другим. Весь мир живет, суетится, как в бесконечной гонке. Одна я будто сбилась с пути и пошла куда-то не туда.

— Извините?

Плечи дергаются от неожиданности. Мужчина в сером пи-

джак стоит напротив и смотрит куда-то сквозь меня в одну точку. Если бы не дыхание, вздымающее грудь под рубашкой — я бы подумала, что передо мной робот, а не живой человек.

— Мы еще не работаем, — улыбаюсь я из вежливости и показываю рукой на выход, — Подождите, пожалуйста.

— Уже десять. — Отвечает он, глядя на часы у стены.

Я перевожу взгляд. Только что же...

Ладно.

— Что будете...?

Не успеваю договорить фразу, как его голос прерывает меня:

— Двойной эспрессо. С собой.

Я стискиваю зубы и принимаюсь набивать холдер перемолотым кофе.

Такие гости здесь не редкость. Кафе находится в крупном офисном здании, поэтому работники часто заходят сюда. В обед это место больше похоже на вечеринку с дресс кодом: «серые пиджаки и усталые лица».

Только вот обычно у каждого есть что-то индивидуальное: красный значок у груди, кроксы с фигурками, дорогие золотые часы. Этот же мужчина необычен тем, что не выделяется. Вообще.

Может: «Ты имеешь право на чувства», или «твоя жизнь не такая серая, как тебе кажется»?

Я слишком долго смотрю на него. Перевожу взгляд на ста-

канчик и протягиваю его вперед, пытаюсь не фокусироваться на лице мужчины. Он забирает кофе одним движением.

— Спасибо.

— Хорошего дня.

Я выдыхаю. Его фигура скрывается за дверьми. Через пару минут подхожу к выходу и поворачиваю табличку: «Открыто».

«Закрыто».

Четыре дня прошли, как один сплошной день сурка. Если бы не накопившаяся усталость, я бы и не заметила, что между открытием и закрытием кафе вообще было хоть что-то.

Пол уходит из под ног. Глаза то и дело размываются, и я протираю их руками по сотне раз за день.

Я падаю на кровать, чувствуя, как мир вертится, меняя верх и низ местами каждую секунду. Смотрю на недопитую кружку с кофе на столе.

К черту. Меня стошнит, если я выпью еще хоть один глоток.

Свет горит на полную мощность, но я почти вижу, как он затухает, выстраивая смутные силуэты. У кружки появляются глаза и рот. Кажется, она что-то шепчет мне, но слова тонут, не добираясь до ушей.

— Спи, — слышу я мамин шепот где-то за ухом.

— Спи...

Голос становится отчетливее. Тело расплывается по матрасу, как теплое желе.

Нащупываю выключатель у тумбочки. Лампочки гаснут, издавая последний облегченный писк.

Закрываю глаза.

Твердая поверхность под спиной начинает катиться назад. Ускоряется куда-то вдаль. Потом резко вздымается, словно карабкается по стене, и я поднимаюсь вместе с ней. Тело наклоняется, как на крутом склоне, пока наконец не принимает вертикальное положение.

Кто-то мягко толкает меня вперед.

Я делаю шаг.

Ноги ступают на теплый асфальт.

Светло. Солнце стоит в зените. Птицы звонко щебечут, воздух густой от запаха сирени, свежего ветра и зноя. На кустах только-только распускаются почки, а по пустой дороге рядом с визгом перебегают несколько детишек.

Я смотрю на запястье. Стрелки на часах замерли.

— А ну вылезай оттуда! — раздается рядом мужской голос.

В паре метров стоит парень в потертой кожаной куртке. Он пытается вскарабкаться на старый тополь, но кроссовки скользят по коре, и обувь срывается при каждой попытке.

На верхушке дерева, свесив ноги, сидит мальчик и беззаботно болтает ими в воздухе.

— Ты хоть понимаешь, что наделал? У тебя вообще мозги есть?! — крик переходит в хрип.

Парень в ярости пинает ствол дерева, а потом хватается за ушибленную ногу и корчится от боли.

Я делаю еще шаг. Остановка рядом загораживала обзор, но теперь картина встает на место.

На дороге развалились два мотоцикла. Один разбит в хлам — рама скручена, как жестяная банка. У второго вывернуто колесо и смят бампер. Рядом, у обочины, в позе эмбриона лежит девушка. Колени подтянуты к груди, руки раскинуты в разные стороны. Ее светлые волосы разметались по асфальту, а кровь на них уже застыла темным, запутанным комок. Глаза широко распахнуты, безжизненно смотрят куда-то на небо. Пустой взгляд. Губы в ссадинах, приоткрыты, словно она пытается что-то сказать, но не может.

Аромат сирени перебивает тошнотворный, металлический запах бензина. И крови. Она повсюду. Растекается плотной полосой от мотоциклов до обочины.

Я зажимаю нос рукой и отхожу чуть дальше.

— Мы должны были пожениться... У нее была вся жизнь впереди. А ты просто взял и выскочил на дорогу! — Парень в кожанке не может успокоиться. Голос срывается.

Мальчик на дереве смотрит куда-то сквозь происходящее, будто находится сейчас не здесь.

— Ну и что? — тихо бормочет он.

Парень замирает. Руки опускаются и безвольно качаются

на ветру, словно больше ему не принадлежат.

— Эй, она еще дышит! — кричит сквозь шум ветра второй мужской голос.

Я оборачиваюсь. Другой мужчина, видимо случайный прохожий, уже сидит на коленях рядом с девушкой. Он неумело пытается делать искусственное дыхание. Еще чуть-чуть — и он ей все ребра переломает.

Я перевожу взгляд на жениха. Он стоит столбом и хлопает глазами, губы беззвучно дрожат.

Ну нет, не будь идиотом.

— Она так точно умрет, если ты ничего не сделаешь, — говорю ему с надрывом.

— Двигайся.

Я тяну руку, пытаюсь ухватить край его куртки. Пальцы проходят через ткань, как сквозь дым.

Черт.

В этот момент я слышу их — первые механические шаги. Узнаю их сразу.

Галстук пришел раньше, чем обычно.

Время начинает замедляться. Движения людей рвутся, дыхание замирает. Запах крови рассеивается в воздухе.

— Ты не виноват, — произношу я уверенно.

Ничего не происходит.

Ну да. Почему я каждый раз думаю, что это сработает?

Давление сзади становится плотнее, словно кто-то дышит прямо за моим затылком. Он близко.

Я вздыхаю, запрокидывая голову к небу.

— Ну ты серьезно думаешь, что мальчишка — причина всех бед?

Ответа нет. Только тишина, которая становится все отчетливее.

— Он ребенок. Это случайность. Не стой столбом.

А потом, чуть тише, добавляю:

— Ты можешь ее спасти.

Ветер проносится по шее. Пение птиц разрывает тишину. Кровь на светлых волосах девушки начинает переливаться на солнце.

Парень вздрагивает от моего голоса. Кроссовки шуршат по гравию. Он срывается с места и бежит к обочине. Бросается на колени рядом с невестой, отталкивая мужчину от тела.

— Отойди. Кто ж делает массаж сердца на животе?

Его движения отличаются от прохожего: четкие, профессиональные. Толчок по середине груди. Зажимает нос. Пускает кислород в легкие. Снова толчок.

Ее безымянный палец с тонким колечком едва заметно дергается.

Я перевожу взгляд на другую сторону дороги.

Красный галстук будто светится на солнце. Грудь не вздымается. Он не дышит. Просто смотрит на меня своими темными, почти черными глазами. Коричневые волосы зализаны назад так идеально, что ни один волосок не торчит.

Я улыбаюсь и показываю ему средний палец.

— Не сегодня, сука.

Он не реагирует.

Вдалеке нарастает вой сирены скорой помощи. Высокий, протяжный сигнал пульсирует в ушах, превращаясь в навязчивый звон.

Солнце в зените ослепляет. Его белый свет накрывает все вокруг, схлопывая пространство в белое полотно. Сквозь него я вижу маленькую черную точку. Она быстро растет, приближается, пока полностью не заполоняет обзор.

Темнота.

Я открываю глаза.

Сирена все еще воеет — громко, настойчиво. На секунду я думаю, что кто-то вызвал скорую прямо к дому. Но сигнал постепенно затихает, растворяясь в тишине.

Комната не изменилась: тот же белый потолок, те же три заповеди и недопитая кружка на столе. Кофе давно остыл: на стенках осталась тонкая пленка, будто кто-то отхлебнул несколько глотков. Или я сама выпила перед сном и забыла об этом.

Первый день.

Я привстаю с кровати и разминаю шею. Четыре дня без сна, короткий провал — и снова явь. Галстук не добрался до меня и это уже радует.

На часах семь. Пора.

Быстро накидываю на себя привычную одежду: черная ру-

башка, джинсы и куртка; и выхожу из дома.

На улице все так же зябко. Ледяной ветер пробирается под одежду, и я прижимаю воротник к подбородку, чтобы хоть немного укрыться от мороза. Чем ближе ноги приближаются к кафе, тем больше людей попадает на меня на пути: девушка, бегущая в наушниках со спортивной сумкой; бездомный, роющийся в мусорном баке; мужчина, выходящий из дорогой машины в мотель у обочины. И я. Ни один не кажется счастливым.

Я достаю из кармана связку ключей. Один из них небрежно заклеен красным скотчем. Вставляю его в замочную скважину и начинаю поворачивать.

Замок не поддается. Дверь уже открыта.

В груди резко оседает. Пальцы заметно дрожат, и я пытаюсь аккуратно вынуть ключ. Связка все равно соскальзывает с ладоней и падает на асфальт. Звон раздается с опозданием, будто звук не поспевает за картинкой. Я набираю в легкие побольше воздуха, подбираю ключи и захожу внутрь.

В кафе непривычно темно. Свет с окон почти не ложится на предметы, комната утопает в полумраке. Первое, что я ощущаю — духота. Сердце стучит где-то в горле, будто вот-вот издаст последний толчок. Потом слышу их — шаги. Тихие, ровные, где-то за углом. Тень мелькает между стойкой с кофемашиной и подсобкой. Я не могу разобрать чья именно, но отчетливо вижу одно: что-то красное и атласное выглядывает из проема двери.

Я нащупываю в кармане куртки холодную сталь. Рукоять складного ножа. Медленно подбираюсь к подсобке, одним движением поворачивая нож-бабочку острием вперед.

Шаг. Прицеливаюсь. Еще немного.

Тень движется — и через секунду фигура появляется в дверях.

Рука автоматически вытягивается вперед. Нож разрезает воздух. Белая прядь кудрявых волос падает на пол.

— А-а-а-а-а — женский крик разрывает помещение.

Я замираю с лезвием в руке. Сердце проваливается куда-то вниз.

— Ты совсем что ли?!

Светловолосая девушка ошарашено стоит напротив, из ее голубых глаз выступают мелкие слезинки. На запястье — красный атласный бантик.

— Зачем так пугать? Я чуть коньки не отбросила.

Я медленно складываю нож и убираю его обратно в карман. Пальцы все еще дрожат.

— Ты кто? — голос выходит хриплым.

— Официантка... Папа... Управляющий... — она пытается выговорить слова, но не может унять свои всхлипы.

Я неловко развожу руками. Пытаюсь ее успокоить, но получается только легкое похлопывание по плечу.

Да, Кира. Отлично. Новый человек за долгое время — и ты чуть не убила его в первый же рабочий день.

— Прости. Я не хотела. Подумала, что ты... вор.

Девушка смотрит на меня, шмыгая носом.

— Давай я как-то возьму ущерб. Правда, я почти на нуле. Могу дать контакт хорошего парикмахера.

Она вдруг прижимается к моей груди. Заводит ладони мне за спину. Я вздрагиваю. Пытаюсь отстраниться, но она лишь плотнее обнимает меня. Плечи каменеют в одном положении, словно больше мне не подчиняются.

Теплая. Ее волосы пахнут, как яблочный штрудель — ванилью и корицей. Тело постепенно расслабляется, руки сами собой ложатся ей на спину. Всхлипы понемногу затихают.

А что, если бы я не промахнулась? Если бы она... Не хочу даже думать об этом. Галстук сводит меня с ума даже тут.

Я пытаюсь погладить ее по нежно-розовой рубашке. Но она тут же отстраняется, вытирая остатки слез рукавом.

— Ты Кира, да? — произносит она спокойно, будто минуту назад ничего не произошло.

Я киваю.

— Я Лилит, — она протягивает мне руку, но тут же уводит ее, будто хочет поправить волосы.

— Папа должен был написать тебе — Лилит слегка прикусывает губу — Не предупредил, да? У него такое часто.

Она явно пытается увести разговор, но голос все равно выдает ее страх. Надо как-то помочь ей успокоиться.

— Да. Постоянно. Помню, как он забыл свой кошелек на столе. У него там очень смешная детская фотография в трусах.

Блестяще, хуже истории не придумать.

Лилит нервно смеется и уходит за стойку.

— Я ему столько раз говорила заменить мою фотку, а они в какую. Говорит, я похожа на ней на обезьянку.

— Так это ты? Да, действительно похожа на обезьяну — выдаю я, не успев обдумать, — Ну, точнее на очень милую обезьяну.

Боже, заткнись, пожалуйста.

— Спасибо, — говорит она искренне, — Будешь чай?

— Я пью только кофе.

Лилит заправляет кофемашину. Зерна громко перемалываются, стучат друг об друга — но я будто не слышу шума. И почему-то, всего на мгновение, перестаю думать о снах и усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.